

Мальчик на качелях

Автор:

Олег Жилкин

Мальчик на качелях

Олег Николаевич Жилкин

Герой шесть лет прожил в Америке. Впервые за это время он приезжает в Россию. В Америке остались бывшая жена, дом, двое детей, работа, кредит на тридцать лет. Но в то же время есть ощущение последнего шанса, заката жизни. Герой погружается в череду непрекращающихся романов. С многочисленными женщинами он словно переживает вторую юность, пытается восстановить разрушенную связь со своим прошлым, понять, что для него действительно важно в жизни. Через женщин он ощущает возврат чувства любви к Родине, чрезвычайно острой, аффективной, выходящей за грани нормы, но в то же время встречающей живой отклик в людях. Роман написан в жанре реальной истории. Читатель наблюдает за событиями глазами героя, переживающего настоящий катарсис, поэтому события в романе словно подсвечены тем удивительным светом, который придает обычным людям характеры героев театральной пьесы, разворачивающейся у нас на глазах.

Содержит нецензурную брань.

Олег Жилкин

Мальчик на качелях

Мама стала все чаще приходить в мои сны. Во сне она очень высокая и значительная женщина, я всякий раз присматриваюсь к ее внешнему виду, пытаюсь определить, как она себя чувствует. Я знаю, что она больна, но всякий раз она держится все лучше. Последний раз это произошло несколько дней

назад.

Странно, что мама всегда мне снится такой большой и значительной, какой она не была при жизни. Она привязала меня к себе после своей смерти. Я купил скромную квартиру в городе, где она похоронена, и регулярно несколько раз в год навещаю ее могилу. Она и сама любила навещать умерших родственников, мне это казалось возрастной причудой, но сейчас для меня важно, что есть место, где я могу поклониться ее памяти. Это хорошее место – напротив женского монастыря, с видом на Эльбрус. В этом городе хорошо проводить время, здесь прекрасные парки и лечебная минеральная вода, бьющая из-под земли.

Сюда я прилетел из Америки, чтобы провести свой отпуск после шести лет жизни в Штатах. Я приехал всего на две недели и вот уже третий год, как живу в России, никуда не выезжая. Моя семья осталась там, зарубежом. Моя старшая дочь недавно вышла замуж, я развелся, многое произошло со мной за эти два года, но я навсегда запомню то лето 2018 года, когда я принял решение прилететь на могилу матери, умершей через год после нашего отъезда в Америку от рака.

Я приехал в Америку в сорок семь лет с семьей, а уехал в пятьдесят три один. Мне одновременно осточертела и Америка и моя семейная жизнь. Приехал летом и уехал тоже летом. Кстати, в Америку невозможно приехать, в нее можно только приплыть или прилететь. Я прилетел. Как жук, бабочка или еще какое-нибудь безмозглое насекомое с крыльями. Я не сравниваю себя с птицами – птицы умнее, гораздо умнее человека. У птиц для сезонных миграций есть причина, у меня ее не было, чистое любопытство, не более того, ну и расчет на то, что любые перемены будут полезны для нашей семьи. Так оно и случилось, я сделал то, что давно хотел сделать – я развелся. Сперва получил гражданство страны, которую не любил и вскоре уехал из нее навсегда – ну, ни странно ли? Разве я не насекомое? Тупое насекомое с неутоленной страстью к размножению. К производству себе подобных особей, к беспорядочному флирту и упорядоченному сексу – со всеми по порядку, как говорит моя подружка.

Вот, теперь, когда я рассказал главное о себе, можно перейти к деталям. Всех же интересуют детали: где, что, почему? Но мне, даже спустя год после моего бегства, не очень-то хочется о них вспоминать, я выпилил эти шесть лет жизни из памяти, ровно так же, как выпилил из памяти добрую половину жизни, начиная лет с двадцати пяти, когда я вернулся из армии и восстановился в

университете на четвертый курс. Мне сейчас пятьдесят четыре, я вот уже как месяц разведен и живу с замужней женщиной, замещая, как в плохом анекдоте, мужа, находящегося в долгосрочной командировке в Москве. За неполный год знакомства мы с ней трижды съездили в Ессентуки, ухитряясь по дороге совокупляться как кролики в поезде, навестили могилу моей мамы, взошли на самую высокую точку в Кисловодском парке, причем в первый раз мы прошли только половину пути, но моя девочка тогда еще была на костылях и этот подъем произвело впечатление на отдыхающих в парке.

– Смотри – сказал один мужик своей спутнице, когда мы уже спускались вниз – вон баба на костылях идет, а ты всё ноешь!

Впрочем, я знал, что мы это обязательно сделаем. Мы то и дело совершали поступки, идущие вразрез со сложившейся практикой реабилитации после операции по замене тазобедренного сустава. Так, мы возобновили занятия сексом в первую же неделю после её выписки из больницы, тем самым, раздвинув стандартный коридор для послеоперационного коитуса. Быть может это полезно будет знать последующим поколениям больных: хороший секс значительно ускоряет процесс восстановления. То, что некогда было невозможным в полной мере, теперь моей женщине удавалось с легкостью – она научилась, наконец, без напряжения широко раздвигать свои бедра.

Сказать по-правде, мы не сразу нашли друг друга. Сначала я прилетел в Россию из США, как бы, в отпуск, на 10 дней. Дело было в июле, и мне позарез нужно было в краткие сроки выполнить свою программу. В мои планы входило найти себе женщину, заняться с ней сексом, снять со счета, накопившиеся от сдачи квартиры рубли, перевести их в доллары и благополучно вернуться на свое рабочее место уборщика в средней школе, где я без малого проработал три с половиной безрадостных года. План изначально провальным, и даже не потому, что я так и не затащил в отмеренные сроки в гостиничную койку ни одной бабы, а потому что я в глубине души понимал, что назад я по доброй воле не вернусь. Купленный обратный билет, на самом деле, был элементарной уловкой, наивной попыткой обмануть себя и семью, которой, впрочем, я недвусмысленно намекнул на своё желание остаться, опубликовав накануне в сети на своей странице графоманского портала стишок под названием: «Невернусь».

Я наверно не вернусь,

Я люблю святую Русь,

Я должно быть этим летом

Попрощаюсь с Новым Светом,

Я наверно остаюсь.

Хорошо писать куплетом

Вместе с богом в облаках,

У меня занятий нету,

Да и он не при делах -

Хорошо нам в облаках!

Я люблю бродить по свету,

Что мне делать не пойму,

И других занятий нету,

Как любить свою страну.

Я люблю и Крым, и Сочи,

Хорошо, но, да, не очень,

Залегла на сердце грусть,

Я наверно не вернусь.

У меня билет обратный

Самолет он, будь неладный

Что ж не весел ты шофер?

Стоп, машина! – светофор.

Я стою на светофоре,

За горами плещет море,

За горами океан,

А за ним сплошной туман

В океане океан.

В океане плещут рыбы,

Вольно плавают киты,

У меня на сердце ты, блин,

А в душе поют коты,

А в душе уже не ты.

Хорошо и горя мало,

Тем, кто с горя не сгорел,

Ждет меня под камнем мама,

Не дождалась, не успел.

Не успел я сесть в машину,

Чтоб до дома долететь,

Что ж теперь мне делать сыну?

Остается песни петь.

Буду петь я песни с вами,

Дорогие вы мои,

У меня билет в кармане,

А в душе поют коты.

Лучше бы мне котов не слушать,

Да со трезвой головой

Вбить бананы себе в уши,

И лететь назад домой.

Только где мой дом, кто мне скажет?

Кто покажет, поселит,

Для меня маршрут не важен

Я согласен на транзит.

Отведи меня в сторонку

Да, на ушко нашепчи,

Затянула жизнь в воронку,

Что мне делать, научи.

Научи, прошу, как друга,

Как товарища прошу,

Я скольжу, скольжу по кругу,

По периметру скольжу.

Хорошо бродить по свету

Через поле, вдоль межи,

А где счастье? Счастья нету,

Хочь бежи, хочь не бежи.

Летом труднее всего удержаться в привычных рамках работа-дом. Работать летом в школе труднее всего хотя бы потому, что вместо уже привычной вечерней смены, когда ты работаешь один, приходится переходить в дневной режим и работать в команде, состоящей из четырех человек, двое из которых твои непосредственные начальники. Начальник начальнику рознь, в моем случае это довольно амбициозные и недалекие люди, которые, как тебе кажется, поставили целью своей жизни усложнить условия деятельности до предела, доходя в своих усилиях до абсурда. Лето для меня это период стресса, я жду его наступления с содроганием, вот уже четвертый год. Дом воспринимается как привычные интерьеры одиночества, в которое можно завернуться, как в одеяло, и постараться ни о чем не думать, хотя мысли все-равно выпрыгивают из тебя словно блохи из ковра и каждая из них норовит тебя укусить, хоть и не больно, но довольно раздражающе: «Как же мне все надоело», «Поскорее бы все это закончилось», «Хочу домой!». Последняя мысль наиболее абсурдная – я и так, казалось бы, дома, чего мне хотеть? Нет, я понимаю, что дом не здесь, он где-то. Где? В России. Да, в России, в Подмоскowie у меня квартира, которую мы сдаем. Я хочу туда.

Разобравшись со своими мыслями, я захожу в интернет и бронирую билет до Москвы, затем билет из Москвы в Минеральные Воды и обратно, бронирую на восемь дней гостиницу в Ессентуках – для этого у меня есть весомый повод – я хочу навестить могилу своей мамы, – беру подстраховочный обратный билет из Москвы до Портленда. Все. Я успокаиваюсь. На все ушло пара часов. По легенде, которую придумал, я еду в отпуск. Я и сам еще не знаю, насколько трудно мне будет вернуться. Ниточка оборвалась.

Америка из России, поверьте, представлялась мне тюрьмой, в которую я если бы и вернулся, то только в наручниках и под конвоем. Мое внутреннее напряжение в последние месяцы перед отъездом достигло апогея, я даже был уже готов к тому, что рано или поздно спровоцирую драку, в которой обязательно кого-нибудь убью и сяду за это в тюрьму, для полноты, так сказать, жизненного опыта, которому недостает пребывания в заморских застенках. Мне действительно интересен всякий экстремальный опыт, так, как если бы я читал книгу своей жизни глазами скучающего читателя.

Так, уж, я наверное устроен – внутри меня сидит другой человек – наблюдатель, и я часто выкидываю для него что-то, лишённое практического смысла, исключительно руководствуясь желанием его как следует развлечь и потешить.

В первый же день моего пребывания в Эссентуках произошло маленькое чудо. Я оставил вещи в гостинице – номер был еще не готов к заселению, нужно было подождать пару часов – и отправился к источнику попить водички и присмотреться к обстановке.

На подходе к источнику я услышал гитарные аккорды. В Эссентуках жила семья близких друзей моей мамы – Анатолия – глуховатого гитариста, его жены Ирины, и сын Иннокентий – тоже гитарист, глубоко верующий баптист, имеющий четверых детей. Четыре года назад через знакомых я получил весточку, что Толик скончался, что было не удивительно, поскольку в свой последний приезд в Россию, когда я вступал в наследство год назад умершей мамы, Анатолий был плох, у него началась гангрена пальца. С учетом его возраста – семьдесят пять лет, – шансов выжить у него было немного.

Я шел на звук и размышлял в довольно эллегистическом ключе: Толи уже несколько лет нет на этом свете, но звуки гитары на улицах города напоминают о его былом присутствии. А что если это Кеша, его сын? Я скучал по Толику, по времени, когда он жил в соседнем доме и время от времени приходил к нам, чтобы сыграть со мной партию в шахматы.

Но нет, силуэт человека с гитарой не походил на молодого паренька, играл человек в солидном возрасте, и чем ближе я подходил, тем очевиднее становилось, что это давно упокоившийся в моем сознании Толик, о котором я с таким сожалением только что размышлял.

– Бог мой, Толя, это ты?! – воскликнул я изумлении.

– Да, я. А кто вы, я что-то не узнаю?

– Я Алик, Алевтины Павловны сын. Ты меня не узнал?

– Алик! Как ты здесь очутился? Ты же в Америке!

– Приехал в отпуск. Это мой первый день. Я так рад, что тебя увидел! Представляешь, мне сказали, что ты умер!

– Неужели? От кого ты мог это слышать? Я сильно болел, мне сделали сложную операцию, всего разрежали, заменили артерии, вставили трубки, и заново собрали. И вот, как видишь, я опять в строю, играю, зарабатываю себе на жизнь, еще сыну помогаю. Ты же не знаешь, Кеша развелся.

– Как развелся? У него же четверо детей!

– Вот так, все бросил, детей, бизнес и уехал в Геленджик. Сейчас там пытается бизнес наладить. Ничего не получается. Он же не торгаш по натуре. Я ему говорил: бросай ты это дело, возвращайся в специальность, зарабатывай тем, на что учился. Он ведь неплохой музыкант, закончил консерваторию, что он с этими шмотками связался? Взял кредиты, сейчас эти кредиты на нас повисли, приходится работать, чтобы проценты платить, а он сбежал и в ус не дует. Жена, дети малые. Жена эта, правда, никчемная. Не работала ни дня, дома бардак, я его понимаю, ему тяжело было, крутился как мог, а она только на шее у него сидела, все за границу мечтала уехать. Ты, вот, был там знаешь, как там тяжело. А им же молодым не объяснишь, они лучше нас все знают.

– Вот это новости! Не ожидал такого от Кешки. Все же четверо детей, он же на алиментах раззориться.

– Да жена уже хочет его в тюрьму посадить, машину у него забрать, у него же нет ни шиша, одни долги. Она и квартиру нашу обчистила, все продала, что только можно было, котел нагревательный сняла, забрала детей и к родителям в Астрахань умотала.

– А в церковь-то он ходит, не знаешь?

– Ушел он из этой секты, слава Богу! Хоть с этим закончил, мало того, что долгов как шелков, так он еще и десятину столько лет платил. Везде деньги. Банки нас достали. Коллекторы звонят каждый день, пришлось телефоны поменять. Жена сейчас процедуру банкротства на Кешку оформляет, там тоже деньги на адвоката нужны, но куда деваться, иначе, говорят, посадят.

– Да не должны. Разве что если он от алиментов будет уклоняться.

– От этой стервы все можно ожидать. Она грозилась, что в суд подаст за то, что он машину на мать записал. Дела, в общем... Сам-то как? Как тебе Америка, в

Россию не тянет?

– Как не тянет, вот, не выдержал, приехал в отпуск, нужно отдохнуть, хочу оградку маме на могиле поставить. Раньше запрещали их на социальном кладбище устанавливать, теперь вроде можно, все ставят.

– Да, мама у тебя хороший человек была. Добрая очень, гостеприимная. Когда заболела, никому даже вида не показала. Для меня шок был, когда узнал, что она умерла. Жаль, на похоронах ее не удалось побывать.

– Как же не удалось, Толик, ты еще гроб помогал нести. Мужиков не хватало, пришлось тебя просить.

– Правда? Я что-то уже забывать начал. Ты меня извини – возраст. Что тебе сыграть? Я так рад, что тебя увидел!

– Я-то как рад, Толя! Для меня это лучшая новость, что ты жив.

– Ну, значит долго жить буду!

– Да куда теперь торопиться! У тебя сын, внуки, работа. Играй, что сам желаешь, я рядом постою послушаю.

– Закурить у тебя есть?

– Ты что ли еще и куришь?

– Я и выпить могу, у меня в подвале сорок литров вина стоит. Заходи вечером, посидим, поговорим. Я Иринке скажу, она стол сообразит. Столько лет не виделись!

Я достал сигареты, мы закурили. Толя взял несколько аккордов и заиграл вальс Доги из фильма «Мой ласковый и нежный зверь». Сухие пожелтевшие пальцы музыканта перебирали гриф, не всегда успевая за мелодией, но, в целом, Толик выглядел хорошо – в белой рубашке, аккуратно отглаженные брюки. Он чем-то напоминал мне уличного музыканта из еврейского местечка на ярмарке: печальные мудрые глаза, большие мочки ушей, доминирующий на лице

крючковатый нос. Ярко светило утреннее солнце, мимо шли праздные люди, я курил и чувствовал себя счастливым – первый мой день в Эссентуках подарил чудо встречи с близким человеком, который выкарабкался с того света, чтобы не просто коптить небо над головой, но еще и дарить радость другим людям, зарабатывая ежедневным трудом средства для поддержания своих близких.

С этой нечаянной встречи с Толей я окунулся в сказочную атмосферу этого города, насыщенную возможностями для завязывания новых знакомств, флирта, общения, разговоров по душам. Я хотел стать частью всего, говорить с каждым встречным, любить всех женщин, приводить в дом сирых и убогих, слушать их запутанные истории жизни и воображать себя посланником небес, призванным решить их проблемы одним фактом своего физического присутствия. Я наслаждался Россией, русским языком, опьяняющим чувством свободы.

А знаете ли вы, что такое свобода? Возможно ли быть свободным на чужбине, в стране, где принципы свободы и право человека на счастливую жизнь прописаны в Конституции? Я специально интересовался этим вопросом и, вот, что я понял: свобода – это возможность, в широком смысле этого слова. Возможность действовать, добиваться, наслаждаться, испытывать чувства, делиться ими и разделять чувства других людей, сохраняя, при этом, естественность и непринужденность, глубоко проникая в самую суть вещей, процессов, законов, умело обходя препятствия, используя намеки, интуицию, опыт в качестве подсказки к действию. Свобода – это умение легко ориентироваться в той, или иной, нестандартной ситуации, искусно выбирая стратегии и подходы к достижению поставленных целей. А теперь, представьте, что вы недостаточно хорошо говорите на языке жителей той страны, в которой вы живете. У вас смешной акцент, вы не въезжаете с первого раза в избитые шутки, не понимаете намеков, не радуетесь тому, что вызывает в них счастливые реакции на автомате. Вы просто слабоумный калека, с трудом учащийся произносить слова после перенесенного инсульта, вы – овощ, растение, колорадский жук с крылышками. – Лети, жук, домой! – сказал я себе, – и становись принцем.

Свобода это возможность быть полноценным человеком, ставить цели и добиваться их. Чтобы было понятно, цель у меня была одна – бабы.

Как только я пересек границу, семья перестала для меня существовать. Я чувствовал, что все отношения уже давно превратились в пустую формальность. Я просто боялся возвращения и того, что за ним неминуемо последует –

депрессия, одиночество, растущая изоляция. То, что ситуация тупиковая, я уже не сомневался. Плохо было то, что никакого рационального плана действий у меня не было, я руководствовался исключительно инстинктом и эмоциями.

Мы не годимся для Америки. Мы слишком для нее своенравны. Чтобы победить эту своенравность в себе, нужно стать другим человеком. Другим человеком я не стал. Я просто осознал свою чуждость этой стране и ее культуре. Первое время я пребывал в эйфории. Мне казалось, что еще немного, и страна с ее безграничными возможностями откроется для меня, и я в один миг стану сильным, свободным и независимым. Вместо этого, она загнала меня в резервацию для белых. Я испытал на себе все невидимые глазу механизмы угнетения и унижения, которые работают с безжалостностью жерновов, перемалывая дух и тело, нагружая их словно вьючное животное тяжелым физическим трудом, поглощая время, прививая уродливые формы отношений, лишённые интеллектуальной радости и привычной с детства непосредственности общения между людьми.

Все в этой стране говорило мне, что я чужой. Слишком сложный, слишком ранимый, слишком требовательный и неблагодарный. Я инвестировал в эту страну свой труд, время и деньги. Страна высосала меня и выплюнула как бесполезный инородный организм, раздражающий простых американских парней, живущих представлениями и предрассудками девятнадцатого века, с их наивной верой в грубую силу, семейные ценности, приземленного и глуповатого Бога.

Я с детства мечтал выучить английский. Теперь, когда я мог читать, писать и говорить на этом языке, я понял, что больше не хочу на нем общаться. Мне не о чем говорить с этими людьми. Я хотел побыть в тишине, я все больше и больше погружался в молчание и одиночество.

В качестве компенсации, в мою жизнь вошел алкоголь и, разрешенная в Орегоне, марихуана. В последний перед отъездом в Россию месяц я курил ее каждый божий день после работы. Траву можно было приобрести, предъявив водительские права, в которые никто даже не заглядывал. Десятидолларовой дозы хватало на неделю.

Первое время мне казалось, что это прекрасная замена несостоявшимся надеждам на нормальную адаптацию. Сидя на заднем дворе своего дома, который мы приобрели в кредит через два года после приезда, я часами

наблюдал в небе порнографические шоу, которые устраивали в мою честь облака. Однажды я увидел огромную вагину, которая хотела меня поглотить и понял, что с меня довольно.

- Кончай свои шуточки - обратился я к Богу, - давай поговорим серьезно.

- Давай! - согласился Господь, и с тех пор наши беседы с ним стали привычным элементом досуга. Согласитесь, не каждый способен отказаться от такого общества.

Мои диалоги со Всевышним большей частью носили шутливый характер. Я любил немного подразнить старика. Я понял, как ему скучно с серьезными до уныния поклонниками. Господь любил мои шутки и прощал мне мою дерзость. Постепенно я понял, кто я для него - я был мальчиком на качелях в его саду.

К счастью, наркотик не успел стать моей привычкой, возвращаясь в Россию, я знал, что там он мне не понадобится. Я все еще верил в удачу и желал как можно дольше оставаться мальчиком на качелях в саду у Господа своего.

Два первых года эмиграции я находился в эйфории, которая не позволяла мне впадать в панику, я был деятелен, энергичен и верил в свои силы. На третий год что-то случилось. Я сломался. Я устал биться за место под солнцем на чужой мне земле. Я не был способен ни на сложные расчеты, ни на многоходовые операции. Через шесть лет, получив гражданство США, я посчитал проект законченным. Мой план состоял в том, чтобы снять кассу и бежать. Снять кассу не означало ограбить банк, набрав кредитов, я всего лишь хотел продать дом, который за четыре года вырос в цене и с этими деньгами вернуться к России, чтобы вложить их в недвижимость, а потом сдавать ее, имея какой-то минимальный доход. Но в мой план кроме меня одного больше никто не верил. Всем надоело следовать за мной по воле моих прихотей, и я не исключаю, что и в мою адекватность к тому моменту мало кто верил.

Я понял, что мой разрыв с семьей углубляется, мне предстоит действовать на свой страх и риск, полностью доверившись своему растущему желанию вернуться и остаться на родине без каких-либо гарантий и сторонней поддержки.

Умом я понимал все риски подобного импульсивного решения, понимал всю серьезность и необратимость последствий своего поступка, но ничего не мог с собой поделать.

Надо честно признать, что я был вне себя. Находясь в состоянии сильнейшего стресса, я был постоянно на адреналине, и незаметно для себя вошел в зону психопатических реакций с непредсказуемыми последствиями.

Я безостановочно курил, очень мало спал, нервная система была возбуждена, физический тонус повышен. Из напитков я употреблял три раза в сутки минеральную воду, вечером пил полусладкое вино или коньяк.

Я жил в странном мире сбывающихся эротических фантазий. Я действовал очень самоуверенно, если не сказать, нагло, но это приносило успех, как ни странно.

Тем летом я познакомился с небывалым количеством вдов. Вдовы почему-то сразу воспринимали меня очень серьезно. Они рассказывали мне о своей нелегкой женской доле, попутно интересуюсь моими взглядами на жизнь. Кажется, вопреки своей легкомысленности и открытости, граничащей с патологией, я производил на женщин хорошее впечатление. Впрочем, я довольно быстро их огорчал своим безответственным поведением, легко находя им замену – мне вовсе не хотелось строить серьезные планы, мне больше нравилась непредсказуемость и мимолетность курортных отношений, которой я наслаждался с непосредственностью мотылька. Если бы мне кто-то сказал, что мне предстоит умереть осенью, я бы даже не удивился. Я был готов заплатить за эту фантастическая легкость бытия любую цену. Женщины интересовались мною так, как никогда прежде. На контрасте с аскетичной американской жизнью последних шести лет, это переживалось как нескончаемая восточная сказка, которая, наверняка, была весьма плотно населена своими джинами и демонами, но я рассчитывал на покровительство высших сил и готов был идти на риск ради сохранения динамики сюжета авантюрного романа.

Я сочинил себе легенду, которая служила мне поводом для знакомств и служила катализатором отношений. По легенде, я был гидом-консультантом – редкая несуществующую профессия, сочетающая в себе профессию гида на туристическом маршруте – чем в пору юности я зарабатывал себе на жизнь в Сибири, и профессию психолога. В 90-е мне удалось за год получить второе высшее образование, которое позволяло мне при необходимости представляться тем, кем я никогда в своей профессиональной деятельности не был, однако,

университетский диплом психолога говорил сам за себя – мне не нужно было ничего доказывать.

Метод, который я изобрел, заключался в том, что психолог спускался с небес и погружался в гущу реальных событий, находя себе пациентов прямо в толпе. Я не навязывал потенциальному клиенту никакой терапии, я предлагал ему маршрут, на котором мы могли исповедовать друг другу свои тайны, проблемы, планы, мечты и фантазии. Маршрут служил метафорой терапевтического сеанса. Он имел свое начало и свой конец. Мы находились в равной позиции по отношению к друг другу, но только мне принадлежала привилегия объявить маршрут законченным и прекратить всякие отношения, если на тот момент я считал, что основной конфликт выявлен и дальше клиенту предстояло самому решать, как, и на каких условиях, он будет с ним разбираться. Это был абсолютно филантропический проект с элементами экспериментальной психологии, исключаящую всякую ответственность, поскольку я не назначал своему «клиенту» никакой цены, удовлетворяясь роскошью человеческого общения.

Надо признать, что метод работал, хотя бы потому, что у меня с моими собеседницами очень быстро создавалась иллюзия давнего знакомства друг с другом. Это был эффект «случайного попутчика», который срабатывал всякий раз, как только я начинал использовать свой «метод». У меня даже зародилась горделивая мысль, что я стал автором уникальной психологической технологии, которая в скором времени должна будет принести мне славу и материальное благополучие. В общем, надо признать, что для человека пятидесяти трех лет, без сколько-нибудь серьезного образования, профессии и каких либо планов на будущее, я был настроен крайне нереалистично. Как и подобает гению в стадии обострения, я планировал завоевать мир щелчком пальцев еще до конца курортного сезона.

Пару раз мой совершенно бескорыстный интерес к общению, женщины принимали за профессиональное кокетство. В одном случае женщина называла себя успешным предпринимателем, раскручивающим у себя в регионе проект по строительству мусороперерабатывающих заводов, планируя выйти на всероссийский рынок. Вечер становился томным, после пары бокалов вина мы покорили танцпол, где на нее неодобрительно поглядывали со скамеек грузные матроны, приехавшие на лечение. На следующий день я составил ей компанию в поездке в Кисловодский парк, где мы забрались на Красное Солнышко и там она дала волю своим чувствам, рассказав о драматическом эпизоде гибели своего

мужа в автокатастрофе.

Собственно говоря, идея стать гидом-консультантом пришла мне именно здесь, поскольку я заметил, что непосредственное общение на курорте невероятно быстро сближает людей. Лучше, если общение происходит на природе, в горах, где вы ставите перед собой некую условную цель, которую нужно достичь. Это, своего рода, «хадж» – восхождение, в ходе которого преодолевается некое физическое напряжение и одновременно с этим снимаются психологические барьеры.

Все эти мысли мне пришли в электричке на обратной дороге, пока женщина, совершенно расслабившись, рассказывала мне о своем молодом любовнике из Египта, который всякий раз с нетерпением ожидает ее приезда и подарков на берегу Красного моря. Она даже позволила себе назвать меня «котиком», что уже совершенно вывело меня из себя. Я, вдруг, увидел себя ее глазами, и на меня накатила приступ тошноты. Женщина явно намекала на продолжение отношений, но уже в качестве ее любовника.

Собственно, именно тогда я и решился на то, чтобы поблагодарить женщину за интересную компанию в этом небольшом путешествии, в ходе которого я получил возможность вновь почувствовать себя гидом на маршруте, как в былые годы, работая на Байкале.

– У всякого путешествия есть свой маршрут, – резюмировал я, пока мы возвращались в электричке сидя напротив и глядя друг другу в глаза – точка отправления и точка прибытия. Мы сейчас достигли конечной точки, наш маршрут закончен, большое спасибо за доставленное удовольствие!

Женщина от неожиданности спала с лица. Я впервые в жизни наблюдал такую резкую смену настроений. Представляю, каких трудов ей стоило взять себя в руки и не разрыдаться прямо в вагоне.

Я вызвался проводить женщину до входа в санаторий, чтобы смягчить резкость с которой я подвел итог нашей дружбе. Женщина для разговора выбрала тему святых мест и того особого чувства благодати, которое она испытывает, когда их посещает. Из чувства невольного противоречия, насытившись благочестивыми рассказами, я решил развлечь ее историями из своего прошлого, одна из которой ее особенно потрясла. Речь шла о знакомстве с

попадью, с которой у меня случился роман здесь же в Эссентуках, несколько лет назад, когда я приехал, чтобы вступить в наследство маминой квартирой спустя год после ее смерти. Я познакомился с женщиной на танцплощадке в санатории через дорогу от маминой квартиры. Женщина не скрывала, что она замужем, но кто ее муж я даже не догадывался. Чудо случилось во время нашего с ней первого секса в маминой квартире.

– А сейчас ты ебешь попадью. – отчетливо услышал я спокойный голос у себя в голове, но счел, что это моя очередная нездоровая эротическая фантазия по мотивам сказок Афанасьева. Лишь по возвращению в Америку мне удалось найти ее в соцсети и догадка – если это была догадка, – меня просто поразила своей точностью.

– Это что же, – патетически восклицала моя спутница, округлив в ужасе глаза – это значит на свете нет ничего святого? Нет ни ада, ни рая, все перемешалось?!

В этот момент я услышал как за ее спиной раздался удар. Я пригляделся и увидел лежащую на земле девочку лет десяти. Я подошел к ней, она лежала неподвижно, закатив глаза. Девочка была без сознания. Ее велосипед валялся рядом, она только что врезался на нем на полном ходу в колонну, стоявшую у входа в парк.

Шляпница.

Каждое утро я ходил на рынок за свежими овощами. Мой стол был прост и неприхотлив. Я покупал картошку, помидоры, огурцы, кабачки, баклажаны, зелень и сыр. В Америке я соскучился по натуральным продуктам, выращенным под жарким южным солнцем.

Путь к рынку пролегал мимо магазинчиков с курортным ассортиментом. На третий день своего пребывания, в открытых дверях шляпного салона, я углядел продавщицу, поразившую мое воображение. Это была довольно высокая брюнетка с пышными формами, которые едва прикрывал легкий летний сарафан с глубоким декольте.

Я вошел в салон и сделал вид, что интересуюсь стендом с мужскими летними кепками. Продавщица сдержанно и даже холодно познакомила меня с ассортиментом и удалилась в глубину салона, общаясь с другой

покупательницей.

Даже если я куплю кепку, у меня не будет повода сюда вернуться – рассудил я и, приценившись к одной из них, обещал продавщице подумать.

– Только не очень долго – предупредила меня она, товар быстро раскупается, я буду здесь до шести часов вечера, а потом уйду.

– Что ж, я могу прийти завтра.

– Завтра я не работаю, у меня смена через день.

– Тогда я загляну послезавтра.

– Смотрите сами, как вам будет удобно. – холодно попрощалась со мной продавщица.

Так иногда случается, что мимолетное знакомство сначала оставляет яркое впечатление, но спустя короткое время быстро забывается. Но на этот раз все происходило иначе. Узкое лицо с забранными назад длинными волосами, черные глаза, а более всего, пышные формы продавщицы при узкой талии, продолжали владеть моим воображением.

Мне нужно было успеть поставить оградку на могиле мамы, и на некоторое время я погрузился в хлопоты, не переставая думать о том, как найти подход к этой странной женщине. То ли ее не идущая к яркой внешности холодность, то ли давно сложившийся архетип южной красавицы из итальянского кино, какой-то магической силой занесенный в провинциальный городок, – что-то определенно заставляло меня мыслями возвращаться к предмету своего внезапно вспыхнувшего вожделения.

Местный таксист-армянин, дал мне дельный совет, когда я решил поделиться с ним своими сомнениями.

– Это Кавказ, братан, не надо много думать, зайди прямо к магазину и спроси ее: замужем она или нет?

Простой совет моментально разрешил все мои сомнения.

Через день, я зашел в салон, имея уже в голове четкий план действий.

- Здравствуйте!

- Здравствуйте! Помните меня?

- Конечно, вы кажется хотели купить кепку.

- Честно говоря, я не хочу покупать эту кепку, я просто зашел с вами поговорить.

- Не хотите, не покупайте, чтобы поговорить не нужен повод. Что вас интересует, какие темы?

Такой неожиданно теплый прием меня слегка обескуражил, но более всего обрадовал и вдохновил.

- Вы сегодня какая-то другая. В прошлый раз вы выглядели более строго и официально.

- Просто я всегда боюсь общаться с покупателями-мужчинами, вдруг, следом зайдет его жена и устроит мне скандал. Но вы, я смотрю, сегодня подготовились.

- Что значит подготовился?

- В прошлый раз у вас было кольцо на пальце, сегодня вы его сняли, следовательно, вы здесь без жены.

- А вы замужем?

- Я разведена. Мне тридцать семь, у меня взрослый семнадцатилетний сын.

- Мне чуть больше пятидесяти, у меня две взрослые дочери, я женат, но семья живет в другой стране

- Что мешает вам жить вместе?

- Ничего. У меня даже есть билет на самолет. Ровно через неделю и один день я должен буду улететь, но мне, честно говоря, очень не хочется.

- Странно. Многие из России мечтают уехать жить за границу. Я бы тоже хотела, чтобы мой сын уехал жить к своему биологическому отцу в Германию на учебу. Мы сейчас собираем документы для получения визы. Что вас там не устраивает?

- Я слишком люблю русских женщин, мне трудно жить без флирта, а за границей это практически невозможно с моим знанием языка, да и законы на Западе таковы, что можно довольно легко нарваться на неприятности.

- Понятно, поэтому вы сейчас здесь отрываетесь. Я бы тоже так хотела.

- Что же вас сдерживает?

- Что сдерживает? Вы смейтесь, наверное. Это Кавказ! И это маленький город, здесь всем сразу все становится известно: кто, с кем и сколько раз. У меня взрослый сын, и я бы не хотела, чтобы друзья называли его мать шлюхой.

- Не похоже, чтобы вы были отсюда родом - у вас нет местного говора.

Женщина рассмеялась.

- За девять лет жизни здесь, я его так и не приобрела. Мы переехали сюда с сыном из Нижневартовска после моего развода. Я думала, что здесь Европа, а попала в Азию.

- А в чем разница?

- Ну, знаете, там я могла позволить себе более открытую одежду, могла, например, не одеть под платье нижнее белье, здесь это исключено. У вас такой взгляд, будто вы меня осуждаете. Может быть я слишком откровенна?

– Напротив, мне это приятно, это говорит о том, что я вызываю у вас доверие. Мне очень хотелось бы познакомиться с вами поближе.

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Буду откровенной до конца: мне тоже бы хотелось познакомиться с вами поближе, но здесь так устроено общество, что если об этом узнают, тебя сразу сочтут продажной женщиной и будут с тобой вести себя соответствующе. Я уже с этим сталкивалась, и не раз. Проще принять правила и под них подстраиваться, чем постоянно попадать в неприятные истории. Кстати, сегодня очень жарко. Я постоянно обрызгиваю себя из пульверизатора, хотите на вас побрызгаю, вы кажется слегка перегрелись.

Женщина подошла ближе и направила струю распыленной воды мне в лицо, а затем себе на открытые плечи и грудь.

– А хотите, приходите завтра, я буду работать с одиннадцати, а вечером можем куда-нибудь сходить поужинать. Знаю одно неплохое место, где хорошо готовят и можно спокойно посидеть без лишних глаз. Я и так с вами сегодня заболтались, могут заметить и передать хозяйке, а мне бы не хотелось потерять это место. Мы работаем на процентах и у меня почти всегда самая высокая выручка, потому что я умею общаться с покупателями, только и всего.

– Самые активные покупатели это мужчины, я угадал?

– Не угадали. Женщины гораздо общительней и любопытней.

– Хорошо, я приду, мы поболтаем, а потом сходим куда-нибудь. А мы ведь даже не познакомились. Меня зовут Алик.

– Алик? Какое необычное для русского мужчины имя.

– Так я же с Кавказа. В армию призывался из этого города, у меня здесь мама жила, она и похоронена на Франчиче, мальчиком зеленью на рынке торговал. Местные меня за своего всегда принимали.

– Интересно. Ладно, еще поговорим. Приходите завтра, я вас буду ждать.

– Вы так и не назвали своего имени.

– Анна! Зовите меня Анной. Мне не нравится мое настоящее имя, поэтому я представляюсь тем именем, которое, я себе выбрала. Что-то вроде творческого псевдонима. Я немного рисую для себя. Может когда-нибудь я вам покажу свои работы.

– Я вас понимаю. Меня тоже большинство моих знакомых знают как Олега.

– У нас много общего, оказывается!

– Хотел бы я взглянуть на ваши работы. Где вы их храните?

– Дома, разумеется.

Анна выразительно посмотрела мне в глаза и от этого взгляда у меня в душе что-то перевернулось и растеклось по телу приятной обволакивающей негой.

Я попрощался и пошел вверх по улице в сторону парка, находясь под впечатлением от состоявшегося разговора. Будущее обещало мне интересное приключение, и я был поражен, как быстро сбываются мои мечты, стоило мне чего-то очень сильно пожелать.

На следующий день я был в салоне еще до обеда. Температура на улице росла с каждым днем. На Анне был другой сарафан, не так сильно открывающий грудь, но, в тоже время, я не заметил и бретелек от бюстгальтера на ее загорелых плечах.

Анна сидела за высоким прилавком так, что с улицы ее почти не было видно.

– Так жарко. Я сегодня без белья. – сразу задала тон беседе Анна.

– А я вас сразу и не разглядел, первое ощущение, что в салоне никого нет.

– Да и так с утра практически никого не было. Сегодня обещали, что температура под сорок будет – народ на улицу не выходит, так что выручки не жди, просижу как дура одна целый день. Давай с тобой, что ли поболтаем, ничего что я на ты?

- Да, давай будем на ты. Я думал, что ты ради прикола со мной на вы разговариваешь. Ты сегодня не боишься, что тебя хозяйке заложат?

- Ну, заложат, так заложат, я все-равно решила от нее уходить в конце сезона. Она мне процент с выручки платит каждый день – такая у нас с ней договоренность, так что меня зарплатой не удержишь. Так ты сказал, что через неделю улетаешь? А то оставайся, здесь баб незамужних полно, найдем тебе пару.

- Мне не всякая подойдет.

- А тебе какие женщины нравятся?

- Типа тебя. Свободные, красивые, незакомплексованные.

- Ты считаешь меня красивой?

- Ну, да, все при тебе: лицо, волосы, ноги, грудь.

- Как ты можешь судить о моих ногах, у меня сарафан в пол?

- Ну, так, можно догадаться.

- Только догадаться? Посмотреть не хочешь?

Женщина подняла сарафан до бедер и я обомлел: под ним действительно совершенно ничего не было одето.

-Так лучше видно? Нравится?

Я почувствовал легкое головокружение, то ли от прильнувшей к сердцу крови, то ли действительно становилось слишком жарко, от чего создавалось ощущение нереальности происходящего.

- Ладно, побаловались и хватит! – решила Анна, одернув сарафан. – Еще здесь возбудишься, что я с тобой делать буду?

- А ты сама от этого не возбуждаешься?
- Возбуждаюсь, конечно. Я женщина страстная, тем более, без мужчины.
- И как ты выходишь из положения?
- Мастурбирую, ты как думал? Мне минимум два раза в день нужно, иногда днем прихватываю, даже здесь, когда никого нет. Не могу без этого, иначе буду злая и нервная, а в таком настроении много не заработаешь, покупатели ласку любят.
- Да у тебя почти весь ассортимент женский!
- А женщины не люди что ли? Сюда кто только не заходит, я сразу замечаю как на меня смотрят. Бывало, что ни с того, ни с сего по руке вдруг проведут – не знаешь как реагировать.
- Тебя, что ли женщины заводят?
- Они сами на меня заводятся, я – нет, я мужиков люблю.
- Но ты бы могла ответить на женскую ласку?
- Почему нет? Я могу поласкать в ответ. Я смотрю, что тебя такие темы возбуждают, я не права?
- Я же скрытый нимфоман, мне интересно все, что связано с сексом.
- Блин, я тоже от этого заводжусь. Представляешь, я и по дому почти голой хожу. Я бы и голой ходила, да у меня сын взрослый, хотя я считаю, что ему полезно видеть обнаженное женское тело, чтобы он за первой юбкой не побежал. Да он и не побежит, это точно. Спокойно на баб реагирует, он маму свою больше всего любит.
- К мужчинам не ревнует?

– Да может и ревновал бы, если бы у меня был кто-то. Он и так обижается, если я где-то задерживаюсь, не разговаривает со мной, может неделями не общаться. Я поэтому к себе никого, практически, не приглашаю. Да и не хочу, чтобы соседи видели – слухи мигом полетят по городу. Меня тут один мужик крутой второй год добивается. Но с местными нельзя слабину давать – мигом в рабство попадешь, они же женщину за человека не считают, а я свободу люблю. Потому и работаю всю жизнь – финансовая независимость самое главное. Сегодня, вот, ни рубля еще не заработала, я так не могу. Мне тысячу в день минимум надо сделать.

– Грудь покажи.

Анна мельком посмотрела на выход. Редкие прохожие с сонными от жары лицами равнодушно проходили мимо магазина, даже не подымая глаз на витрины.

– На, смотри, пожалуйста – Анна спустил бретельки сарафана и обнажила тяжелую красивую грудь с крупными набухшими от возбуждения сосками – Мне и самой нравится себя демонстрировать, я в душе эксгибиционистка, наверное.

– А мне нравится смотреть. Всю свою жизнь мечтал встретить такую женщину.

– Понятно, похоже ты не слишком избалован.

– Считаешь меня озабоченным?

– Я еще не решила, но, похоже, что ты нуждаешься в дополнительном кормлении, раз пялишься на голые сиськи других баб.

– Такие формы как у тебя не часто встретишь.

– Я заметила, что ты возбуждился. У тебя встал даже.

– Ты действительно красивая, умная женщина, и ты в моем вкусе.

– Про ум ты так же, как про мои ноги догадался? У меня вроде не было повода его демонстрировать.

- Ноги покажешь еще разок?

- Ты на ноги хочешь посмотреть или на что-то еще? Вряд ли тебя действительно интересует мой ум.

- Покажи пизду.

- Фу, как грубо! Почему бы не назвать ее как-то иначе?

- Влагилице?

- Ты какой-то грубиян, хотя с первого взгляда производишь впечатление интеллигентного человека: очки, шляпа.

- Поэтому я и хочу приобрести кепку, чтобы сменить имидж. По крайней мере, сделаешь хоть какую-то за день выручку. Покажи!

- Пожалуйста, называй ее киской.

Анна подняла сарафан и раздвинула бедра.

- Киска это пошло. Мне нравится называть вещи своими именами.

- У меня даже влага выделилась.

Анна запустила пальцы внутрь.

- Покажи грудь.

- Пожалуйста. Я сейчас, кажется, кончу.

Женщина издала легкий стон и её бедра сжались в конвульсии. Тело Анны было практически полностью обнажено, я даже заметил пирсинг в ее пупке.

- У тебя красивое тело. Очень женственное.

– О, боже! – я кончила.

Анна извлекла пальцы, достала из-под прилавка гигиеническую салфетку и вытерла блестящую от влаги руку.

– Я вся теку. Это все из-за тебя. Мне даже подмыться негде. Я смотрю, что у тебя тоже встал. Как-то очень, уж, заметно.

– Я тоже не ношу под шортами белья в жару.

– Как насчет вечера, мы идем с тобой в ресторан?

– Идем. Во сколько ты заканчиваешь?

– Обычно в восемь, но сегодня я хочу закрыться пораньше, все равно покупателей нет. Давай встретимся около шести на площади?

– Договорились.

Анна привела одежду в порядок, ее дыхание выровнялось, но румянец возбуждения не торопился покидать её лица.

– Как ты пойдешь с таким стояком?

– Хочешь мне помочь?

– Нет, не здесь, сюда в любой момент могут войти. Я и так с тобой слегка потеряла голову.

– Возьми деньги. – Я передал Анне тысячу одной купюрой, снял с витрины кепку, надел ее на голову и направился к выходу.

– Кепка стоит полторы! – окликнула меня на выходе Анна в последний момент, опешив от моей наглости.

Я невольно усмехнулся. Выглядело все так, будто я хотел лихо надуть продавца.

Я вернулся к витрине и повесил кепку на место.

– Ладно, кепки не нужно. До вечера! Буду ждать тебя в шесть на площади.

– До встречи, Алик! Теперь я вижу, что это имя тебе подходит. – засмеялась Анна.

Я вышел из салона в несколько замутненном сознании. Я смотрел на улицу и не узнавал её, затрудняясь с выбором направления. Нет, это не сеанс магии, и я действительно стою у дверей обыкновенного шляпного салона, и все же этот странный город и его необыкновенные обитатели наводили меня на мысль, что со мной здесь происходят какие-то удивительные события.

Гостиница, в которой я проживал, находилась прямо в парке. Это, наверное, было её главным преимуществом, плюс невысокая цена за благоустроенный номер. В номере, правда, не было окна. Надо заметить, что и в других, более дорогих номерах отеля, не было окон, вернее они были, но в потолке. Совсем крохотная мини-гостиница на три номера с шикарной стойкой регистрации в греческом стиле и постоянно дежурившими двумя сменными администраторами, одна из которых была вдова, другая крепко выпивающая выпускница консерватории моих лет. Вдова меня мало интересовала, а вот с бывшей выпускницей консерватории мы легко сошлись на почве бескорыстной привязанности к дагестанскому коньяку, который мы периодически распивали вместе в ее смену. Дамой выпускница была солидной, и когда напивалась, то начинала разговаривать матом. Я с удовольствием поддерживал интеллектуальную беседу. Женщина вот уже два года как была в разводе, я был озабочен поиском партнерши и самой популярной темой наших разговоров был секс. Звали даму Антониной. У нее был низкий голос, напоминавший мне голос совы из мультика про Винни-пуха.

Несмотря на пышную грудь, которую я конечно же сразу оценил, я не рассматривал женщину в качестве потенциального сексуального партнера и поэтому со всей откровенностью делился своими впечатлениями от минувшего дня. Отсутствие реального успеха на сексуальной ниве компенсировало богатство впечатлений и нам было о чем поговорить. Тоня живо соперничала моим поискам и, заступая на смену, первым делом интересовалась, удалось ли

мне на этот раз кого-то привести к себе в номер или нет.

Антонина рекомендовала мне быть с женщинами более романтичным и не говорить им в лоб, что собираюсь с ними переспать. Я объяснял ей, что мне как раз нравится быть честным и не плести интриги, так как я сильно ограничен во времени, поскольку собирался через неделю вернуться в Москву. То, что из Москвы мне предстоит перелет в Штаты я ей не говорил, чтобы не будить женского любопытства и не множить лишних вопросов.

Тоня, впрочем, была не единственной поверенной в моих интрижках. Как-то так само-собой получилось, что параллельно я завел себе еще одну подружку-слушательницу и советчицу, торговавшей путевками прямо напротив павильона минерального источника. На контрасте с пышногрудой администраторшей, это была миниатюрная брюнетка чуть старше меня, с хорошей фигурой и миловидной, прекрасно сохранившейся внешностью. Звали ее Оксаной. В наших с ней разговорах присутствовал элемент флирта, что, однако, не мешало мне в любой момент прервать беседу и увязаться за приглянувшейся мне одинокой курортницей, пришедшей на водопой. Оксана была на работе, а я на охоте. Древняя тактика хищника в пересыхающих от зноя прериях хотя и не приносила ярких побед, но была довольно эффективным способом ненавязчивого, ни к чему не обязывающего знакомства.

Переполненный впечатлениями после посещения шляпного салона я остро нуждался в трезвом взгляде на сложившуюся ситуацию со стороны.

Поскольку у Антонины был выходной, я пошел к источнику. Оксана была на своем рабочем месте и первым делом осведомилась о моих любовных успехах.

– Ноль. Пока ноль! – многозначительно произнес я и пошел к бювету наполнить свой стакан минералкой.

– Что значит пока? Ну-ка, колись, подцепил кого-то? – взяла меня с оборот Оксана, как только я неторопливой походкой вернулся к стойке с предложениями посетить красоты Северного Кавказа.

Я заметил, или мне показалось, что в глазах Оксаны блеснули ревнивые огоньки. Наши отношения находились на грани дружбы-флирта, у которой, впрочем, как уверяла меня сама Оксана, нет любовной перспективы.

– Во-первых – у меня уже есть молодой любовник, а во-вторых – если я буду спать с каждым курортником в этом маленьком городке, я довольно быстро приобрету дурную славу.

Знакомая песня. Я, впрочем, не слишком настаивал. Пару раз после работы я приглашал Оксану в кафе, где я угощал ее кофе, только и всего.

Разумеется, я пересказал ей свое приключение в шляпном салоне, исключив из рассказа лишь некоторые детали, по которым она могла бы опознать конкретный магазин и конкретную женщину.

Рассказ поверг Оксану в шок. Она и в мыслях не держала, что в ее патриархальном, застрявшем где-то в 80-х годах прошлого века городишке, могут пылать подобные страсти.

– Она проститутка, что ли?

– Почему сразу проститутка, может просто соскучившаяся по сексу одинокая женщина.

– Не могу себе представить, что просто одинокая женщина будет мастурбировать на глазах незнакомого человека, да еще на своем рабочем месте!

– Может она хотела произвести на меня впечатление?

– Произвела?

– Произвела.

– Ты так со своим впечатлением по улице и пошел, да? Никого не напугал?

– Да народу мало на улице. Жарко сегодня.

– Так ты что, в ресторан собираешься ее вести?

- Конечно, мне же интересно продолжение истории.
- Смотри, чтоб тебя не развели на деньги. Может у нее сутенер есть.
- Да не похоже. Говорит, что инъяз закончила, с мужем развелась, приехала с Севера, работы нет, пошла торговать.
- Насчет торговать она не соврала. Только шляпками ли она торгует – вот в чем вопрос. Ладно, мне самой интересно, как у вас все сложится. Завтра расскажешь. Будь осторожен только – это Кавказ, если за ней мужик стоит, могут и голову оторвать. Попадешь как кур во щи – герой-любовник. Телефон хоть оставь свой, на всякий случай. Позвоню тебе, если завтра не объявишься.
- Ну, слушай, наговорила всего, мне самому теперь страшно стало.
- Это хорошо. Ты слишком расслаблен.
- Ладно, я понял. Буду собран и осторожен, хотя бабы это моя страсть, ничего с собой поделаться не могу. Я общительный очень, а секс – самая лучшая форма общения – человек познается в постели.
- Ну, удачи тебе, теоретик. Много не пей, а то сорвешь практику.
- Постараюсь. В меня много и не лезет никогда. Если переберу, сразу назад просится. Чего смеешься?
- Вот ты чудак, все-таки. Представила тебя с тазиком у постели красавицы.
- Да было уже, что-то подобное. Слава Богу, женщины домой торопились, а то бы опозорился.
- Женщины? Так ты не к одной сразу клеился, что ли? Ты мне эту историю не рассказывал.
- Да двое их было, одна брюнетка, вторая блондинка, и обе симпатичные. Так и не смог определиться. Бутылок пять шампанского на троих выпил, еле до номера дошел, какой там секс, к чертям, мне бы ни в жизнь их не объехать.

Хорошо, что не согласились со мной в номер подниматься, точно бы опозорился.

- Видать, тебя какая-то баба заговорила. Ну, может и повезет тебе напоследок. Пожалеет какая-нибудь. Сколько у тебя дней отпуска осталось?

- Неделя.

- Ну, не оплошай!

- Может не ходить, с тобой договоримся?

- Иди-иди, стар ты для меня.

- Ты же старше.

- А кто мне мои годы даст? Юбочку коротенькую надела, причесочку сделала и вперед. Мне тридцатилетние парни прохода не дают. А ты если еще потаскаешься немного в таком темпе, скоро ноги носить не сможешь, придется тебя родным с курорта на колясочке увозить.

- Любишь ты подкладывать. За это мне и нравишься. Ничего, будет и на моей улице праздник.

- Гей-парад, что ли? Ты может не той ориентации, вот у тебя ничего с женщинами и не получается. Рассказываешь мне какой ты герой-любовник, а у самого уже и не работает ничего.

- Да, знаешь, чем больше я здесь нахожусь, тем меньше мне хочется.

- Так ты минералки сколько хлещешь каждый день - я за тобой наблюдаю. По три стакана за раз. А в ней бром, если ты не знал!

- Да и ладно. Я уже просто по инерции за бабами бегаю, чисто из спортивного интереса. Мне больше с ними разговаривать нравится, общаться. С мужиками так не поговоришь, они зажатые слишком, так что с ориентацией у меня все в порядке.

– А почему с мужиками не поговоришь? Я, вон, с тобой общаюсь регулярно и ничего.

– Так я и не мужик вовсе.

– А кто ты?

– Я ангел.

В шесть я уже стоял на площади, ожидая Анну. Она немного опаздывала. Я развлекал себя, разглядывая лениво прохаживающихся отдыхающих. Обычно, часам к восьми, парковочную площадку неподалеку оккупируют молодые люди на недорогих машинах, оснащенных мощными акустическими системами, с помощью которых они пытаются растопить девичьи сердца немудрящими песнями с кавказским акцентом. Но сейчас было короткое время затишья – переход жаркого южного дня в томные сумерки. Еще час-другой и скамейки парка заполнятся целующимися парочками и мобильными группами людей постарше, с закуской и алкоголем.

С двадцатиминутным опозданием на площади появилась Анна. Волосы ее были распущены, шла она не спеша, слегка покачивая бедрами и улыбаясь.

– Извини за опоздание, пришла хозяйка, нужно было свести кассу за два дня работы.

Я слегка приобнял Анну за талию, давая понять, что можно забыть о работе и подумать о чем-то более приятном.

– Ну, что, куда идем ужинать? Какую кухню ты предпочитаешь?

– Я тебе говорила, что знаю один хороший ресторан – он, правда, на выезде из города, но там всегда отлично кормят и там не будет столько посторонних глаз, как здесь в курортной зоне.

– Далеко от сюда?

– На такси рублей сто пятьдесят, не больше.

Мы вызвали такси и уже через несколько минут были в ресторане.

Ресторан снаружи не производил яркого впечатления. Заведение располагалось на первом этаже стандартной панельки, но внутри было довольно уютно. Каждый столик был отделен декоративной изгородью, горел приглушенный свет, персонал настроен доброжелательно и любезно.

Блюда и напитки выбирала Анна, я лишь следовал ее советам. В итоге у нас на столе оказалась бутылка грузинского вина и несколько тарелок с разнообразными закусками, названия которых я даже не старался запомнить – так я был поглощен женщиной, сидевшей со мной за одним столом на расстоянии вытянутой руки.

Через какое-то время я воспользовался этим обстоятельством и незаметно под столом положил ей руку на бедро.

Анна была оживлена. Было заметно, что она чувствует себя здесь как рыба в воде. Она активно и с удовольствием ела все, что мы заказали и, сверкая глазами, пила красное вино, чувственно при этом улыбаясь. Рука моя поднималась все выше и выше, постепенно исследуя все новые пространства на ее теле. Никогда прежде я не сидел в ресторане с женщиной, под юбкой у которой не было нижнего белья. Не то, чтобы это обстоятельство лишило меня рассудка, но ситуация была нестандартной и будила мое любопытство.

Мы заказали еще одну бутылку вина и я заметил, как быстро Анна хмелеет.

– Я вообще-то не пью, но сейчас мне очень хорошо и я немного позволила себе лишнего. Ты мне нравишься, честно сказать, но я не собираюсь ложиться с тобой в постель в первый же вечер.

– Напрасно. Зачем терять время, мы потом можем о нем пожалеть. У меня и без того осталось четыре дня.

– Сейчас мы допьем вино, ты закажешь мне такси и мы расстанемся до завтра. Я тебя действительно хочу, но сейчас я слишком пьяна, чтобы принимать какие-то решения. Давай отложил. Ты не пожалеешь, я обещаю.

Я чувствовал жар ее губ у своей щеки, и мне очень хотелось ее поцеловать. Может мне показалось, но боковым зрением я отмечал, как заинтересованно официантки наблюдают за нашей парой, сгрудившись где-то за моим плечом в глубине зала.

У девушки, принесшей счет, я тоже заметил подобие улыбки, промелькнувшей тенью на ее приятном, без признаков порока, молодом лице.

– Почему они на нас так смотрят? – поинтересовался я у своей спутницы. – Они тебя знают?

– Думаю, они просто нам завидуют.

Мы вышли на улицу и почти сразу же стали целоваться.

– Давай не здесь. – Анна увлекла меня в глубину двора в густую южную зелень, но и там, на дорожке, то и дело появлялись прохожие.

Улучив момент, я в одно мгновение присел на коленях и, поднырнул под широкий подол сарафана.

По телу Анна прошла волна возбуждения, но она с силой одернула сарафан и отстранилась.

– Ты сумасшедший. Что ты делаешь?!

– Мне захотелось тебя попробовать.

– Пожалуйста, давай не будем мучать друг друга. Вызови мне такси. Я тебе позвоню и мы встретимся завтра. Сегодня я не могу. Меня дома ждет сын, он и так наверняка устроит мне скандал за то, что я задержалась, да еще вернулась домой пьяная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/zhilkin_oleg/mal-chik-na-kachelyah

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)